

Не было личной свободы и в других отношениях. Прежде всего, не было свободы веры. Во Франции во второй половине XVI в. многие перешли из католицизма в протестантизм, а после религиозных войн, продолжавшихся в течение почти всей этой половины века, французские протестанты получили в 1598 г. по Нантскому эдикту Генриха IV свободу вероисповедания, но менее нежели через сто лет, в 1685 г., Людовик XIV отменил Нантский эдикт, запретив тем самым протестантизм среди своих подданных. „Упорствующих в ереси“ всячески гнали и преследовали; духовных лиц, совершавших протестантские требы, подвергали всяким карам вплоть до смертной казни. Людовик XVI при коронации принес присягу, что не будет терпеть еретиков в своем королевстве, хотя и был потом, за два года до революции, вынужден вернуть протестантам гражданские права с разными, впрочем, ограничениями относительно занятия должностей.

Свободы слова устного, письменного и печатного не существовало. Тайна частной переписки не была ничем ограждена, и при почтовом ведомстве был особый „черный кабинет“, где занимались перлюстрированием писем. Печатание книг и газет было под надзором королевской цензуры, с которою соперничала Сорбонна (так назывался богословский факультет Парижского университета), а также и парламенты. Королевские цензоры, дававшие разрешение печатать, входили в состав полицейского ведомства. Сорбонна специально наблюдала за тем, чтобы не появлялось печатных сочинений, противных католицизму, а Парижский парламент вообще стоял на страже против всего, что носило характер критики существующего порядка вещей. В XVIII веке было публично сожжено рукою палача на площади немало книг по приговору именно Парижского парламента. Писателям нередко приходилось печатать свои книги тайно, выставляя на них названия заграничных городов, или же и на самом деле за границей, чтобы потом контрабандой ввозить эти книги во Францию.

Чем ближе время подходило к революции, тем яснее сознавалась необходимость перемен во всем государственном строе Франции. Сначала надежды возлагались на саму

В Великой французской революции приняла участие вся нация, разделившаяся при этом в самом начале на два больших лагеря: одни, составлявшие большинство, стояли на стороне революции, другие, меньшинство, были ее противниками; между обоими лагерями велась борьба.

Противниками революции были, главным образом, высшее духовенство и большая часть дворянства, на стороне революции — вся остальная нация, т.е. третье сословие с низшим духовенством и либеральной частью дворян. Чтобы понять, чем в старом порядке были недовольны будущие сторонники революции и какую роль в ней играл, нам нужно присмотреться к составу населения Франции перед 1789 г.

Французы XVIII века официально делились на три сословия. Первенствующим среди них во Франции, как католической стране, было духовенство, вторым — дворянство, а последним — третье сословие. Первые два сословия назывались привилегированными, так как члены их пользовались особыми правами и преимуществами, из которых отметим изъятие из обязанности платить многие налоги, право занимать высшие должности, судиться особым судом и т.п. В духовенстве настоящими привилегированными были только носители высших иерархических званий, т.е. архиепископы, епископы, аббаты (игумены) монастырей, каноники кафедр-

ральных соборов, составлявшие церковную аристократию; низшее же духовенство, в особенности сельские приходские священники (кюре), их викарии и другие клирики, составляли своего рода церковную демократию. Высшие духовные должности обыкновенно занимались лицами дворянского происхождения, часто младшими сыновьями аристократических фамилий, и были хорошо оплачиваемы, причем часто епископ или аббат даже не жил на месте своего служения. Церкви во Франции принадлежало много земель, а в городах — разных зданий, доходных домов, садов, огородов, и все это находилось в распоряжении высшего духовенства, низшее же довольствовалось скудным содержанием, между прочим, платою за требы. Кроме недвижимой собственности, церковь обладала капиталами, а также ей принадлежали „десятина“ и доходы с населения, известные под названием феодальных повинностей. В последнем отношении высшее духовенство не отличалось от дворянства, которое тоже, кроме поместий, обладало по отношению к сельскому населению особыми выгодными для него правами.

Впрочем, в дворянском сословии были разные категории. Некоторая его часть состояла из привилегированных судейских (членов парламентов), носивших название, как мы видели, „дворянства робы“, но большинство принадлежало к „дворянству шпаги“. Первое было более служилым, второе землевладельческим, хотя и не все дворяне имели земли или много земли. Одной из особенностей аграрного строя Франции было то, что земля, принадлежавшая дворянину, часто не составляла сплошного куска, а была разбросана небольшими участками среди земель, принадлежавших другим собственникам, и потому такому дворянину оказывалось невозможным вести свое хозяйство, но приходилось сдавать свою землю мелкими участками в аренду крестьянам. Этим объясняются постоянные жалобы на помещичий абсентеизм, т.е. на то, что землевладельцы из дворян не жили в своих поместьях, приезжали туда лишь как дачники и т.п., тем более, что в деле местного управления дворяне были давно вытеснены королевскими чиновниками. Живя в Версале или в больших городах, служа в армии, в администрации и т.п.,

дворяне в местной жизни не играли никакой роли, а между тем им в их поместьях принадлежали очень большие почетные и доходные права.

В большей части Франции действовало правило, по которому ни один клочок земли не мог не иметь над собою высшего господина, или сеньора. Всеобщим сеньором был король, у которого были и свои земельные владения (домены), а также и феодальные права, как у других сеньоров. Земли делились во Франции на феодалы, или фьефы, бывшие в руках дворян, и цензивы, находившиеся в обладании лиц третьего сословия, особенно крестьян. Вот эти-то владельцы цензивных участков и зависели от сеньоров, т.е. местных дворян, которым принадлежали в данной округе феодальные права.

Когда-то, в средние века, феодальные сеньоры (будем их так называть) духовного и светского звания, архиепископы, епископы, аббаты, каноники, герцоги, графы, маркизы, виконты и всякие нетитулованные дворяне, были как бы государями в своих поместьях. Мало-помалу единственным государем во Франции сделался король, а бывшие его вассалы и вассалы этих вассалов стали его подданными, но при этом за ними сохранились многие прежние права над населением деревень. Это и были феодальные, или, как еще их называют, сеньориальные права, которыми очень тяготились крестьяне и против которых они особенно восстали в самом же начале революции. В большей части областей Франции ни одна местность не могла существовать без своего сеньора, был ли то сам король или какой-нибудь аббат, либо дворянин. Чтобы получать оброк с земли, принадлежавшей какому-нибудь крестьянину, сеньору большею частью не нужно было доказывать свое право документом; это требовалось лишь в некоторых провинциях.

В XVIII веке крестьяне во Франции уже были лично свободны; крепостные, или „сервы“, были редким исключением. В своих поместьях (доменах) Людовик XVI освободил последних сервов за десять лет до революции; остатки крепостного состояния сохранились до 1789 г. лишь кое-где на монастырских землях. Будучи, однако, людьми лично сво-

бодными, крестьяне во многих отношениях продолжали зависеть от местных своих сеньоров.

Дворянам-помещикам принадлежало право назначать в селах судей. Сеньоры поважнее назначали судей для более крупных дел, и их ставленники могли даже приговаривать к смертной казни, в знак чего на дворе замка такого сеньора ставилась виселица. Судьи, назначавшиеся менее важными сеньорами, и судили по более мелким делам. Должность судьи отдавалась в аренду, что было доходом сеньора, а сам судья должен был жить пошлинами, штрафами и... взятками. Разумеется, такие судьи были орудиями в руках господ. Сеньорам принадлежала и полицейская власть в их сеньориях с правом издавать обязательные постановления относительно, например, начала покоса, жатвы, сбора винограда. Право охоты принадлежало также только сеньорам, как и право иметь большие голубятни, население которых часто вредило посевам, или кроличьи загоны, где страшно плодились эти прожорливые зверьки. Крестьянин не мог в силу этого начать снимать хлеб, пока куропатка не выведет своих птенцов, или стрелять в голубей и кроликов, когда они вредили его ниве. В связи с правом издавать обязательные постановления находились так называемые „баналитеты“, или банальные мельницы, хлебные печи, виноградные точила. Сеньор строил мельницу, устраивал хлебную печь, заводил точило, отдавал их в аренду и в силу своего права требовал, чтобы подвластные ему поселяне мололи муку, пекли хлеб, выжимали виноградный сок непременно на его заведениях, хотя бы были другие ближе и дешевле.

Далее шли поборы с земли. Свои участки сеньор отдавал в аренду крестьянам, редко за деньги, больше исполу, т.е. арендатор-половник отдавал за съем земли часть продукта натурой. Во Франции крупных помещичьих хозяйств было сравнительно мало, и земли самих сеньоров обрабатывались преимущественно половниками. Среди крестьян были и безземельные и малоземельные, нуждавшиеся в работе на чужой земле, но были и крестьяне, у которых была своя собственная земля в достаточном количестве. Вот и эта крестьянская земля тоже находилась в зависимости от сеньоров:

она не была полною собственностью ее владельцев, а представляла собою несвободную, или чиншевую, оброчную землю. Крестьянин владел ею по наследству, но, когда она переходила к наследнику, сеньору платилась пошлина. Крестьянин имел право продать свой участок, но опять-таки платил сеньору пошлину, причем тот имел право оставить землю за собою, уплатить покупщику продажную цену. Наконец, такая земля была цензивной (чиншевой землей), так как подлежала уплате сеньору ежегодного оброка (ценза, или чинша). Деньгами он был незначительным, но зато довольно тяжел натурой, в виде известной части урожая („шампар“). Прибавлю, что духовенство, кроме того, со всех земель вообще получало еще так называемую десятину, т.е. около одной десятой продуктов земледелия. Свои феодальные поборы сеньоры очень часто сами не взыскивали, а отдавали их в аренду особым откупщикам сеньориальных прав.

Задачей своей я не ставлю здесь перечислять все феодальные права: довольно, надеюсь, и сказанного, чтоб видеть, что такое эти права собою представляли. Дополню только указаниями еще на пятидневную в году барщину по разным работам в господской усадьбе и на то, что носило название смешных прав. Кое-где по ночам летом крестьяне должны были мешать лягушкам квакать близ господского жилья, приходиться целовать дверную задвижку замка в знак покорности и пр. По старой же терминологии крестьяне продолжали себя называть вассалами сеньоров. Многие из феодальных прав приходило в забвение, выходило из употребления, но лег за двадцать до революции местами сеньоры стали требовать восстановления старых повинностей и даже устанавливать новые, т.е. происходила своего рода феодальная реакция, подлившая немало масла в огонь революции. В 1789 г. отмена сеньориальных прав сделалась одним из лозунгов крестьянской революции, пожалуй, даже и главным лозунгом.

Перед 1789 г. крестьянская масса далеко не была однородной, расколовшись на более обеспеченную землей (своею и арендного) и менее обеспеченную, т.е. или малоземельную,

или даже безземельную. Во всяком случае, в руках крестьян на правах чиншевой (редко полной) собственности была значительная часть земли: прежний взгляд, будто теперешнюю мелкую крестьянскую собственность во Франции создала революция, по новейшим исследованиям, оказался неверным. Кроме отдельных участков, крестьянам нераздельно с сеньорами принадлежали общинные угодья (пастбища, пустыри, кустарники). Из-за пользования ими тоже возникали и пререкания с сеньорами или с их управляющими, и несогласия между более и менее зажиточными крестьянами.

Феодальные права сеньоров составляли одну тяжесть, лежавшую на крестьянах; другою были государственные налоги, которые вообще распределялись крайне неравномерно и всю свою тяжесть ложились как раз на сельское население. Во-первых, привилегированные, особенно духовенство, многих налогов совсем не платили, и их земли, „благородные“, как они назывались, не были обложены некоторыми сборами (даже тогда, когда переходили в руки лиц из третьего сословия). Во-вторых, в налоговом отношении города пользовались разными изъятиями и привилегиями, особенно там, где раскладкою налогов занимались провинциальные штаты, в которых были представители только горожан, а представителей сельского населения не было. Поэтому вся тяжесть прямых налогов падала на деревни, на крестьян, кроме еще косвенных налогов, бывших не менее обременительными. Вся тогдашняя финансовая система при существовании рядом с нею церковной десятины и феодальных прав совершенно разоряла крестьянское население Франции, страдавшее и от малоземелья. Крестьянство было очень бедно, даже нищенствовало, а земледелие в руках всех этих чиншевиков и половников находилось на очень низкой ступени.

О бедности сельского населения Франции мы имеем массу свидетельств. Между прочим, она поражала иностранных путешественников. Среди них был, например, русский писатель Фонвизин, автор „Недоросля“, посетивший Францию лет за десять до революции и писавший оттуда письма графу Панину. Чуть не на каждой станции его карету

оказывали нищие, просившие хлеба. Сравнивая положение французских крестьян с положением русских, он находил, что первое было хуже. В годы революции по Франции совершил четыре путешествия знаменитый английский агроном Артур Юнг, написавший об этом целую книгу, где дал яркую картину и нищеты народа, и упадка сельского хозяйства тогдашней Франции. По сравнению с земледелием и скотоводством в Англии Франция, говорит он, находилась еще чуть не в X веке. Масса земли пустовала вообще, а из той, которая обрабатывалась, целая треть оставалась ежегодно праздною, благодаря трехполью, тогда как в Англии уже существовал правильный севооборот. Рабочий скот, сельскохозяйственные постройки, земледельческие орудия — все это было плохо, урожаи маленькие, и часто были недороды с сопровождавшими их подъемами хлебных цен и настоящими голодовками, посещавшими некоторые местности через два года в третий. Нехватка хлеба часто бывала поводом серьезных народных волнений, разгромов амбаров, нападений на обозы или речные караваны с зерном и мукой, нападений на пекарни и рынки. Нищенство тоже было очень распространено со всеми своими последствиями.

И все это было среди благодатной природы Франции. Страна вследствие дурного управления и невозможных социальных условий была как бы в заколдованном кругу: жаловались на недостаток хлеба, а много земли, годной для обработки, пустовало; жаловались на это обстоятельство и на недостачу рабочих рук, а деревни и города кишели нищими, не находившими работы, и т.д.

Продовольственный вопрос очень сильно занимал французское правительство XVIII века; оно всячески пробовало упорядочить хлебную торговлю, то запрещая, то, наоборот, разрешая вывоз хлеба за границу или перевозку его из одной провинции в другую, причем многое делалось по усмотрению местных властей, т.е. интендантов. Этим пользовались всякие спекулянты и хлебные барышники, которые скупали хлеб, когда или где он был дешев, и хранили его запасы или перевозили часть их из одного места в другое, чтобы продавать по более дорогой цене, что порождало к

ним настоящую народную ненависть, как и к откупщикам косвенных налогов и к их служащим. Само правительство для снабжения хлебом городского населения и армии должно было прибегать к помощи хлеботорговцев, и на этой почве создалась даже легенда, которой долго верили и историки, будто сам Людовик XV принимал участие в спекуляциях хлебом, даже будто был особый „голодный договор“, или „общество голодовки“, пользовавшееся покровительством администрации, для покупки хлеба по дешевой цене и перепродажи его по более дорогой при помощи разных запрещений и разрешений вывозить его из одной провинции в другую.

Таково было экономическое положение сельской Франции, заключавшей в себе три четверти ее населения, т.е. около 18 миллионов из 24. Здесь еще господствовали порядки, зародившиеся в средневековом феодализме, превратившем помещиков (сеньоров) в подобие государей в их поместьях (сеньориях). Вековая политика французских королей по отношению к феодализму заключалась в том, чтобы лишать сеньоров тех их прав, которые противоречили самому понятию государства, но оставлять за ними все те права, которые позволяли им извлекать доходы из населения. За отказ от политической власти, за превращение в придворную челядь и т.п. в виде награды сеньоры получали сохранение за ними их бывшего социального положения, охрану властью их привилегий, их феодальных прав. В проигрыше были крестьянство и находившееся, главным образом, в его руках сельское хозяйство. Все это делает как нельзя более понятным крестьянское движение 1789 г.

В одном еще отношении правительственная политика была вредна для сельского населения и хозяйства Франции. Она руководилась, особенно с середины XVII века, системой меркантилизма, как называлось преимущественное покровительство торговле и обрабатывающей промышленности. Казна тратила на поощрение последней большие деньги, и ради снабжения рабочих более дешевым хлебом правительство запрещало, например, вывоз его за границу, который поднимал бы цену на хлеб в стране. Это делало невыгодным

занятие земледелием даже для более крупных сельских хозяев, т.е. сеньоров, не говоря уже о крестьянах, вынужденных продавать хлеб. Прилагать капиталы для зажиточных людей оказывалось более выгодным к торговле, к промышленности, нежели к земледелию, а это также не могло не отражаться на плохом его состоянии. Только в середине XVIII в. в обществе и в правительственных сферах возникло сомнение в правильности такой экономической политики.

Более благоприятной эта политика была для городов, в которых жила едва одна четверть населения. Самым многолюдным городом Франции был Париж, где, впрочем, число жителей доходило лишь до шестисот тысяч. Были и другие крупные города, но большая часть состояла из маленьких поселений. Городское третье сословие состояло из буржуазии и пролетариата.

В средневековой Франции городские поселения были укрепленными местами, бургамы, откуда их население и называлось по-латыни „бургензами“ (теперешнее итальянское „боргезэ“), по-французски „буржуа“, по-немецки „бюргерами“. Слово значило горожанин вообще, гражданин в смысле „градского“ обывателя, а по-польски этому соответствовал термин „мещанин“ от слова „място“ (место), что значит город. Но уже издавна во Франции буржуазией, мещанством стали обозначать только верхние слои городского населения и распространять впоследствии это название на соответствующую категорию сельских жителей, не бывших ни дворянами, ни крестьянами, а занимавших среднее положение между теми и другими. Буржуазия в XVIII в. именно и была средним классом между привилегированными (духовными и дворянами), с одной стороны, и народной массой (крестьянами и рабочими), с другой. О высшем слое этого класса говорилось, что он „живет по-барски“, но между ним и массой рабочих и крестьян находилась еще мелкая буржуазия, состоявшая из хозяев мелких ремесленных заведений, мелких торговцев, мелких чиновников и служащих в частных предприятиях. Резкой противоположности главных категорий городского населения, какая образовалась во Франции позднее, да и то не достигла той степени развития, как в Англии

и Германии, перед 1789 г. не было: от буржуазии, „жившей по-барски“, существовал целый ряд переходных ступеней до рабочего народа в тесном смысле слова, до рабочих-ремесленников и рабочих-наймитов. Городские массы, участвовавшие в революции, далеко не были сплошь пролетарскими, да и крупной заводско-фабричной промышленности с настоящим рабочим пролетариатом еще не существовало.

Зажиточностью и образованностью французская буржуазия не отличалась от дворянства, но все-таки не занимала равного с ним места в обществе. Многие должности в церкви и при дворе, в армии и в правительстве не были доступны „мещанам“, если только они не приобретали дворянства по королевской милости или покупкою за деньги. Хотя буржуа и мог купить дворянскую землю, но он должен был уплатить особую пошлину. Дворяне смотрели свысока на недворян, которые, между прочим, лишены были права носить шпагу, как отличительный признак принадлежности к высшему сословию. Образ жизни буржуазии, особенно богатой, был близок к дворянскому, да и обыденный костюм одинаковый. Отмечу одну подробность: в состав мужского костюма входили короткие штаны только до колен, называвшиеся „кюлоттой“ (culotte), чулки и башмаки с пряжками, тогда как рабочий люд носил длинные штаны до пяток, или панталоны; отсюда популярное во время революции название людей, одевавшихся не по-господски, „санкюлотами“ (безкюлотниками), что вовсе не значит безштанники или голоштанники. На таком же основании в XIX веке рабочих стали называть блузниками по блузе, заменяющей сюртук или пиджак. Приниженное положение, которое буржуазия занимала в обществе, поселяло в ней недовольство существующим порядком вещей и настраивало ее демократически.

Наиболее богатыми представителями мещанства были всякого рода капиталисты: откупщики и банкиры, негоцианты (купцы) и промышленные предприниматели, недворянские землевладельцы и т.п. с очень различными интересами. Откупщики, например, очень дорожили порядками, которые им позволяли наживаться, но банкиры, ссужавшие казну деньгами, равно как рантьееры, держатели государственных

процентных бумаг, были сторонниками таких преобразований в государстве, которые вносили бы больше порядка и стойкости в финансовое управление. В этом заинтересованы были и мелкие „рантье“, имевшие у себя такие же бумаги. Торгово-промышленный класс имел свои причины быть недовольным и находил неправильным, что правительство принимает серьезные экономические меры, не спрашивая его мнения, хотя, в общем, торгово-промышленная деятельность пользовалась покровительством и поощрением. Например, дворянам было запрещено заниматься торговлею, как „унижающею их звание“, и следовательно, купцы были ограждены от конкуренции. Земельные собственники из недворян обижались на то, что за обладание „благородной“ землей должны были уплачивать особую пошлину. В общем, эта социальная среда была наиболее склонною критиковать существовавший порядок и прислушиваться к голосу тогдашней передовой интеллигенции.

Чиновничество, люди либеральных профессий (т.е. врачи, адвокаты, профессора, учителя, художники, инженеры), равно как писательская братия, т.е. вся интеллигенция нации пополняла свои ряды преимущественно лицами мещанского происхождения, хотя, конечно, среди них были и дворяне, и духовные. В еще большей степени, чем капиталистическая буржуазия, эта интеллигенция заключала в себе оппозиционных элементов. Она, эта среда, имела в своем составе людей из всех трех сословий, больше других обнаруживавших склонности и способности, при рассмотрении политических и экономических вопросов, становиться на идейную, принципиальную точку зрения, возвышаться до сознания государственных и национальных интересов, отрешаясь в большей или меньшей мере от узко-сословного духа и проявляя известное народолюбие. К такой интеллигентской среде принадлежали такие духовные отцы революции, как старинный дворянин Монтескье, плебей по происхождению Вольтер, представитель духовенства аббат Мабли и другие, о которых речь специально идет в следующей главе. Из нее же, из среды этой, вышли и многие деятели революции. Наконец, и низшее духовенство, которое было так демократиче-

ски настроено в начале революции, тоже пополнялось из третьего сословия, которое все объединялось на почве вражды к аристократии и ее привилегиям. Буржуазия являлась как бы передовым отрядом нации, когда поставлен был вопрос о завоевании равноправия.

Городскую рабочую массу перед 1789 г. отнюдь не следует представлять себе сплошь пролетарской. Крупная заводско-фабричная промышленность с немногими хозяевами во главе и с массами наемных рабочих только еще начинала нарождаться. Перед революцией паровая машина еще не действовала, а „механические“ прядильные и ткацкие станки еще только что вводились. Работа большею частью производилась не в общих обширных помещениях, а на квартирах самих рабочих, нередко даже не в самом городе, где жил фабрикант, а по окрестным деревням, в домах крестьян-кустарей, после того, как в 1762 г. города лишены были своей исключительной привилегии заниматься обрабатывающей промышленностью. Само слово „фабрикант“ в XVIII веке вовсе не значило хозяин большого промышленного заведения: фабрикантом был и маленький мастерок, что-либо изготовлявший на продажу, и оптовый заказчик какого-либо товара таким ремесленникам, работавшим у себя на дому, или даже скупщик у них товара, т.е. прямо купец. Фабрикант — это вообще производитель известного товара, а слово „фабрика“ обозначало иногда совокупность всех заведений одного и того же ремесла в городе. Так, лионской фабрикой шелковых изделий обозначалось все производство этого рода в городе Лионе, где было великое множество отдельных мастерских. Последние именовались „ателье“ (ateliers), а если в одном помещении уже соединялось большое количество станков, то говорили о „мануфактуре“ (мануфактура буквально значит рукодельня).

Дело в том, что французская промышленность имела старинное цеховое устройство, препятствовавшее образованию крупных заведений. По этому устройству занятие ремеслами было исключительной привилегией городов. Крестьяне могли, конечно, прясть, ткать и т.п., но только для себя, а не на определенный рынок, и только указ 1762 г. им

разрешил принимать всякую работу такого рода на городских предпринимателей. Городские мастера разных ремесел были этим недовольны, потому что деревенские кустари брали за работу дешевле. В самом городе однородные ремесленники, например, ткачи, сапожники, столяры и т.п., были соединены в цехи, или корпорации, члены которых только и имели право заниматься данным ремеслом в городе. Число таких ремесленников в городе было ограничено, и вся их жизнь, вся работа подчинялась определенному уставу. Чтобы получить право иметь свое заведение, нужно было получить на это согласие других хозяев. Каждый хозяин был мастером, или, по французскому произношению, „мэтром“, откуда звание мастера называлось „мэтризой“. Чтобы добиться этого звания, нужно было быть сначала учеником в какой-либо мастерской, потом сделаться работником за плату, который назывался „компаньоном“, что значит сохлебником, как бы младшим товарищем мастера, а для получения права самостоятельно заниматься ремеслом необходимо было выдержать установленный экзамен, представивши образцовую работу, „шедевр“ (chef d'oeuvre). Число учеников и подмастерьев, как у нас переводят слово „компаньон“, было по уставам цехов ограничено. Цехи имели свои выборные власти в лице присяжных, „жюрэ“, каковое учреждение называлось жюрандой. Таким образом, цеховая промышленность была в руках ремесленных товариществ, в состав которых входили хозяева небольших мастерских, где работал сам хозяин с немногими помощниками, жившими вместе с ним в качестве домочадцев, и с немногими же учениками.

Особенности этого строя были таковы: во-первых, при его господстве не могло быть больших заведений; во-вторых, хозяин заведения работал сам, а не был исключительно предпринимателем; в-третьих, между ним и его рабочими отношения были чисто патриархальные; в-четвертых, каждый рабочий мог рассчитывать сам сделаться впоследствии хозяином. Действительность, однако, в XVIII веке далеко не соответствовала такому идеалу.

В былые времена каждый ремесленник-мастер сам себе был хозяин: работал дома, больше на заказ, меньше на про-

дажу, часто из своего материала, и продавал вещь непосредственно потребителю. С течением времени, однако, положение дел изменилось: продолжая работу на дому, мастер делал вещи из материала, доставленного ему предпринимателем-перекупщиком, который уже сам торговал или поставлял товар на большой рынок. Ремесленник-мастер из самостоятельного хозяина стал превращаться в работника на предпринимателя, который, сам не работая, очутился в роли фабриканта. Последний притом начал раздавать работу и деревенским кустарям, не подчиненным цеховому строю. Когда-то самостоятельным хозяевам оставалось для отстаивания своих интересов только закреплять свои союзы против таких, приходивших со стороны, предпринимателей или своих же товарищей, которые вступали на такую дорогу. Во всяком случае, цеховые мастера отстаивали старый строй.

С другой стороны, цеховые мастера все больше и больше отделялись от своих младших товарищей. Доступ к званию мастера и вступление в цех все более и более затруднялись строгими требованиями от пробной работы и большими вступными деньгами в цеховую кассу; годы учения и „компаньонажа“ (наемной работы подмастерьев) удлинялись; для сыновей мастеров делались разные поблажки и послабления и пр. и пр. Соответственно с этим росла пропасть между старшими и младшими членами цехов. Подмастерья сами стали образовывать тайные союзы против мастеров и устраивать стачки, забастовки и т.п. В Париже стачнувшиеся рабочие отправлялись обыкновенно на Гревскую площадь (плас де Грев) перед Городской думой, откуда возникло французское название стачки — „грэв“ (la greve).

Таковы были первые проявления борьбы труда с капиталом, соединялись ли мастера против предпринимателей или рабочие против мастеров. Мастера составляли законом признанные корпорации (цехи), коалиции же рабочих были запрещены и могли существовать только тайно. Цеховые уставы всячески регламентировали поведение рабочих, да и полиция зорко за ними смотрела, как за самую беспокойную часть населения городов. В Париже были свои кварталы, где жило особенно много рабочих: это были предместья

(фобуры) Св. Антония и Св. Марцелла в восточной части города, по обе стороны Сены. В эпоху революции эта часть города была наиболее бурной. Не следует, впрочем, думать, что рабочая масса была сплошь однородной: в революционных движениях выступали и разные поденщики, чернорабочие, подмастерья, ремесленники, торговые приказчики, лавочники, мелкие служащие, писаря и пр. и пр.

Меркантилистическая политика правительства немало содействовала разложению цехового строя. В систему входило требование как можно больше вывозить за границу продуктов обрабатывающей промышленности, и государство брало на себя задачу как можно более способствовать производству в крупных размерах. Заводились королевские мануфактуры, изъятые из подчинения цеховым правилам; предпринимателям, расширявшим производство, хотя бы и для помощи мастеров и кустарей, а не в больших фабриках, давались привилегии, оказывались субсидии, предоставлялись разные льготы. Эта политика оказывалась выгодною для торгово-промышленной буржуазии.

Но вот что при этом получалось. По старине и в силу старой политической традиции королевская власть всячески поддерживала дворянство, вся сила которого была в земельных отношениях, — и, наоборот, оттесняла на задний план буржуазию, опиравшуюся на торговлю и промышленность, а по соображениям экономическим, напротив того, жертвовала интересами сельского хозяйства интересам промышленности и торговли. Целиком власть не опиралась ни на тот, ни на другой класс, а если и благоприятствовала в одних отношениях дворянству, а в других буржуазии, то уже о народной массе не приходится сказать, чтобы власть очень о ней заботилась. Еще великий министр Людовика XIII, кардинал Ришелье, находил, что народу не должно жить особенно хорошо, дабы он не выходил из повиновения, и это правило как бы утвердилось в деятельности правительства Франции. Только в середине XVIII в. стали понимать, что если не для самого народа, то, по крайней мере, для спокойствия государства и для правильного поступления налогов в казну нужно заботиться о материальном благосостоянии масс.

В XVIII век Франция вступила страшно разоренною войнами и безумными тратами Людовика XIV. За шесть десятков лет царствования его преемника и полтора десятка лет правления Людовика XVI до начала революции Франция, в общем, сделала экономические успехи, но историки не вполне согласны между собою в оценке материального благосостояния Франции перед самой революцией. У постели больного один может найти, что он выглядит истощенным своею болезнью, другой — что ему все-таки стало лучше, и противоречия между этими двумя приговорами может и не быть. Одни объясняют революцию тем, что так дальше жить было нельзя именно вследствие полной хозяйственной несостоятельности страны, другие думают, что именно улучшение общего положения ускорило революцию. Не будем придавать значения субъективным оценкам и гаданиям, что было бы, если бы не было того-то и того-то, а было бы то-то и то-то. Достаточно признать, что причин расстройтва государственной и хозяйственной жизни было много, что народные массы от этого страдали, что никто серьезно причин расстройтва не устранял, что, в конце концов, накопилось столько вопросов, потребовавших сразу разрешения после долгих напрасных ожиданий, что коренная реформа всего была неизбежна. Эту реформу могла бы произвести старая власть, если бы она была на высоте своей задачи, но история пошла совсем другим путем.

В заключение несколько слов о Париже, игравшем такую крупную роль в революции. Несмотря на то, что Париж более ста лет не был королевской резиденцией, он продолжал быть истинной столицей Франции, центром ее жизни, до известной степени даже поглощавшим провинцию.

Это было одним из следствий королевской централизации. Все, что только выдавалось над общим уровнем, стремилось в столицу, которая и задавала общий тон всей Франции. Париж сделался умственным центром страны, ее мозгом, вследствие чего парижские события получали общепарижское значение. У столицы Франции было и свое революционное прошлое, когда в ней разыгрывались бурные политические движения населения (в середине XIV века, в

начале XV, в конце XVI и в середине XVII). Недаром Людовик XIV не любил Парижа и перенес свою резиденцию в Версаль, где остались жить и оба его преемника. Людовик XVI собрал Генеральные штаты, не созывавшиеся сто семьдесят пять лет, в своей резиденции, но, как увидим, через пять месяцев население Парижа заставило правительство и народное представительство переселиться в столичный город.

Париж конца XVIII в. был вдвое меньше теперешнего, да и в нем более густое население было только в центральной части, специально называвшейся „городом“, тогда как окраины были населены очень слабо, особенно в западной части. „Город“ отделялся бульварами, образовавшимися на местах прежних стен, от того, что называлось фобурами (faubourgs), — слово, которое мы переводим термином „предместья“, взятым нами из польского языка, где место („място“) значит город. Через Париж протекает река Сена, на одном из островов которой церковь Парижской Богоматери (Нотр-Дам де Пари), а на правом берегу реки находятся главные здания и урочища, упоминающиеся в истории революции и сделавшиеся вследствие этого столь известными. В Париже жизнь была как бы разбита по кварталам: были такие, где много находилось богатых особняков („отелей“) знати; были такие, где жили преимущественно законники (члены парламента, судьи, адвокаты); был ученый квартал („Латинский“), где находились университет и другие школы, книжные лавки, жилища профессоров и студентов и т.п. Я уже упоминал о двух предместьях, где население было особенно пролетарское. Историки, между прочим, отмечают, что эти два предместья не были соединены мостом, и что это служило помехой для их совместных выступлений в бурные дни революции.